

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Генри

Если посмотреть на нас с па со стороны, то может показаться, что по дороге идут два мертвеца, оба в лохмотьях. Еле передвигая ноги, мы тащимся к бригаде рабочих. Отец подтягивает изношенные штаны. Поскольку держаться на исхудавшем теле им больше не на чем, они сваливаются с него через каждые несколько шагов. Свои я подвязал веревкой.

Глубокая канава, мимо которой мы проходим, — один из примеров нашей бессмысленной работы. В ней состоит английский ответ ирландскому голоду: копаем канавы, а на следующей неделе их же засыпаем; строим дороги, ведущие в никуда, а получки хватает только на то, чтобы поддерживать в нас жизнь.

Нам с отцом пришлось пройти почти пять километров по грязной дороге, петляющей среди зеленых холмов, и все для того, чтобы увидеть группу угрюмых рабочих, которые ворчат и возмущаются. Бригадир, приехавший из Англии, пытается призвать их к тишине, но тщетно, поэтому ему приходится перекрикивать толпу.

— В связи с тем, что урожаем можно будет снимать уже через несколько недель, — надывается он, — было принято решение приостановить общественные работы! Вы все должны отправиться по домам и ждать урожая!

— Эти ублюдки просто не ведают, что творят, — говорит па.

— Нельзя лишать людей работы до того, как созреет урожай! — возмущается мужчина позади меня. — Людям пока еще нечего есть.

Я что-то бурчу в знак согласия.

— Вот это по-английски, — подает голос Пэдди Дойл из-за спины отца, — отправить нас домой наблюдать за растениями.

Ворчание уже переходит в крики, но тут появляется шериф на лошади, и мужчины замолкают.

Подъехав к нам, шериф объявляет:

— Мне требуется пять человек.

Не успел он произнести эти слова, а я уже выхожу вперед:

— Я пойду!

Группа набралась за несколько секунд. Из пятидесяти мужчин, готовых на любую работу, он выбирает Пэдди, Киллиана, Лайама, Шеймуса и меня.

Па хватается за мою руку:

— Давай я пойду вместо тебя, Генри. Ты даже не знаешь, чего он хочет.

Отец смертельно устал и от этого весь согнулся и заметно клонится вправо, опираясь на свою лопату. А всего пять лет назад я видел, как он после травмы лихо управлялся одной рукой, раскалывая поленья.

— Нет, па. Иди домой, — говорю я.

— Ага, — подхватывает Пэдди, — можешь уже начинать ждать урожая.

Впятером мы направляемся к дому Дойла, и меня посещает дурное предчувствие.

Джон Дойл умер этой весной, и бедная Мэри все лето старалась, как могла, прокормить четверых детей.

Шериф достает из мешка, пристроенного у седла, колья с дубинками и протягивает нам.

— Вы что, хотите, чтобы мы снесли дом Мэри? — спрашиваю я.

— Она не платила ренту, — отвечает он. — Ее предупреждали.

— Что, лендлордам¹ не хватает денег? — усмехается Пэдди. — У них там тоже вдовы и сироты, которых надо кормить? — Он швыряет дубинку в грязь и гневно отбрасывает со лба огненно-рыжие волосы.

— Эти тоже не сироты, — пожимает плечами шериф, — у них есть мать. Ну вы будете сносить этот дом или я позову других?

Лендлорды рушат наши дома, когда нам нечем платить ренту. Убогие жилища превращаются в груды камней, чтобы мы не могли тайком вернуться в них. Сейчас это происходит все чаще, и сотни домов лежат в руинах по всей округе.

Даже если мы откажемся, Мэри это не спасет. Шериф приведет других: ему достаточно съездить к рабочим и вернуться. Этот дом в любом случае будет снесен сегодня. Так почему бы именно нам не получить деньги?

— Они еще там? — спрашиваю я.

— Конечно, там, Генри, где им еще быть? — говорит Пэдди и, повернувшись к шерифу, бросает: — Чтоб тебя черти взяли! Мы же не станем обрушивать стены им на головы! — Но все же он поднимает свою дубинку.

— Ну так вытащите их оттуда, — отвечает шериф.

Никто не двигается с места.

Шериф злобно взирает на нас с лошади.

— Вот пусть смутьян это и сделает, — бурчит он.

— Я?! — кричит Пэдди и машет руками. — И что я должен ей сказать?! Дескать, несмотря на то что ты

---

¹ Феодал, крупный земельный собственник. — *Здесь и далее примеч. ред.*

бедная, голодная вдова с четырьмя детьми, твой ленд-лорд недостаточно богат и ему нужна эта маленькая хижина, где он мог бы ночевать? Вы хотите, чтобы я пошел и сказал ей это?! — И Пэдди снова швыряет дубинку в грязь.

Шериф проводит рукой по лицу. Он, видимо, уже жалеет, что выбрал именно Пэдди.

— Тогда пусть черноволосый смутьян это сделает. А ты перестань уже разбрасываться дубинками, иначе вылетишь из бригады и всё сделают без тебя.

У Киллиана, Лайама и Шеймуса тоже черные волосы, но я единственный, кто заговорил, следовательно, смутьян — это я.

— Иди же, Генри, — говорит Пэдди, опять поднимая дубинку. — И подумай, какие слова подобрать.

Лачуга Мэри — это просто грязные каменные стены без окон. Я вынужден согнуться, чтобы пройти в дверь. Внутри темно, сыро и пахнет нечистотами. Бедняга Джон в последние свои дни не мог даже встать и выйти, чтобы испражниться.

Сбившись вместе, Мэри и дети сидят на куче тряпья. Видно, что она истощена: руки совсем тонкие, кожа на скулах обвисла, как у тряпичной куклы, для которой не хватило набивки.

— Пришла бригада для сноса, Мэри, — сообщаю я.

Она не отзывается и даже не смотрит в мою сторону, просто глядит в стену.

— Вам нужно выйти. Сейчас.

Похоже, она не узнает меня и не понимает, о чем я ей говорю.

— Шериф приехал, такие дела.

Моргнув пару раз, она кладет руку на голову одного из своих малышей и произносит, все так же глядя в стену:

— Нет.

— Прости меня, но ты не платила ренту. Они не позволяют тебе остаться, — говорю я.

Она вздыхает и, не слезая с кучи тряпья, которая служит им всем постелью, отодвигается к стене:

— Нет.

— Вытащи их, или мы обрушим стены им на головы! — кричит шериф в дверь.

Протянув Мэри руку, я настаиваю:

— Пойдем. Ты же не хочешь, чтобы твоим детям было больно.

— Какая разница, умрем мы здесь сегодня или там, снаружи, через две недели? — наконец отвечает она. — Ты же знаешь, что без Джона и без крыши над головой нам не выжить.

— Мы здесь все заботимся друг о друге. Все будет хорошо, — криво улыбаюсь я.

Я вру вдове, чтобы разрушить ее дом, — вот от чего отец хотел меня избавить. Да, были времена, когда мы помогали друг другу. Но теперь все вынуждены выживать сами по себе.

— Можешь пожить у нас, — предлагаю я неожиданно для самого себя.

У нас нет ни комнаты, ни еды для них. С тех пор как умерли Дермот и Эмили, ма стала очень плоха. Не представляю, как она отреагирует на то, если я заявлюсь в дом с этой пятеркой. Но я снова протягиваю руку Мэри, и на сей раз она берет ее.

Мы выходим на улицу, и я делаю глубокий вдох, чтобы очистить легкие от зловония. Воздух сейчас сладковатый, прохладный и чуть колючий — такой всегда бывает перед сбором урожая.

Шериф слезает с лошади и встает с одной стороны лачуги, Мэри и дети — с другой.

Они смотрят, как мы разрушаем их дом. Мы вставляем колья в щели между камнями, толкаем и дергаем

до тех пор, пока стены не начинают рушиться. Потом проваливается крыша. Работа сделана, и мы засовываем в карманы деньги.

Я машу Мэри и детям рукой, показывая им, чтобы они шли за мной.

— Ну, идемте, — говорю я.

— Что ты задумал? — спрашивает шериф.

— Отведу их к себе домой. — Когда я произношу это, во мне поднимается тревога: что скажет ма?

— Ты не можешь этого сделать — их же выселили.

Лайам, Шеймус и Киллиан незаметно отступают, но Пэдди выходит вперед и говорит, размахивая своими веснушчатými руками:

— А тебе-то что до этого? Ты снес их дом. Твоя работа сделана.

— Есть закон. Согласно ему, ты не можешь взять их к себе. Иначе тебя тоже выселят. Они должны убраться с земли лорда Эдвардса.

— Со всей? У жадного английского ублюдка есть целый чертов холм. И еще один рядом.

— Таков закон.

— Английский закон.

— Придержи-ка свой язык, пареньь.

— А ты полюбуйся на мою задницу! — Пэдди спускает бриджи и бросается наутек, сверкая своим бледным тощим задом.

Я все же показываю Мэри и детям, чтобы они следовали за мной.

— Оно того не стоит! — кричит шериф. — Ты будешь следующим!

Я не могу отвести их домой. Вместо этого я веду их к отцу Майклу. Не знаю, что он будет делать, но, по крайней мере, они смогут побыть в церкви, пока он что-нибудь придумает. Уж церковь-то разрушать никто не станет.

Раньше отец Майкл был круглый и жизнерадостный. Теперь — худой и мрачный. Он выходит во двор встретить нас, но это выглядит так, будто он собрался участвовать в похоронной процессии. Думаю, за последние два года они стали для него привычны.

— Шериф сказал, что мне нельзя взять их к себе домой, так что я привел их к вам, — объясняю я.

Отец Майкл кивает. Он знает, чем я сейчас занимался, но не думаю, что осуждает меня за это. Он просто грустно смотрит на меня.

— Попробую найти для них место в приюте для бедняков, — говорит он.

— Они заберут моих детей! — вскрикивает Мэри.

В приютах всех разделяют — мужчин, женщин и детей. Мне стыдно поднять на Мэри глаза. В тысячный раз я проклинаяю английских лендлордов за то, что они забирают себе наш урожай — ячмень, пшеницу, рожь — и увозят продавать. Набивают карманы, тогда как нам нечего есть. Я проклинаяю гниль, которая поразила наш картофель и, словно ветхозаветный мор, обрекла нас на гибель. Еще немного, и я начну проклинать Господа за то, что Он все это допускает.

Отец Майкл говорит, что благословение придет и что проще верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому человеку попасть в Царствие Небесное. Но сколько бы он ни цитировал Библию, я все равно хочу разбогатеть. Я хочу иметь теплый дом со стеклами в окнах и с молоточком на двери. Я хочу досыта есть каждый день и никогда не чувствовать, как голод грызет мой желудок. Люди говорят, что убивают нас голод и болезни, но я знаю, что во всем виновата бедность.

Отец Майкл отводит Мэри и детей в церковь.

— Прости, — шепчу я ей вслед.

Бреду домой по долине, клочья тумана опускаются на землю. Еще восемь разрушенных лачуг чернеют

среди травы и вереска. Я знал всех, кто жил в них. Если так пойдет и дальше, здесь не останется ни души.

Выйдя на тропинку, ведущую к нашей хижине, прохожу огород, где мы посадили картофель. К счастью, здесь полно зеленых ростков. На серой каменной ограде сидит Бет, поджидая меня.

— Что у нас на ужин? — спрашиваю я.

— Жареный ягненок, — отвечает она с улыбкой.

Такая у нас игра. На наши скудные заработки мы покупаем кукурузу. Но сколько ее ни вари, она тверда, как камень. Так что мы с Бет притворяемся, что на тарелках у нас говядина, ягнятина или еще какая-нибудь недоступная нам еда. Мы говорим друг другу, что у нас болят животы оттого, что мы объелись. Это, конечно, ребячество, но оно немного помогает нам жить дальше.

Мы едим жидкую кашу за грубо сколоченным столом, который много лет назад сделал па. А потом ложимся на грязный пол, чтобы дождаться, когда нас сморит сон.

Проснувшись, мы сразу чувствуем этот запах. Вонь исходит из-под земли и проникает в нашу лачугу. Па смотрит на меня, в его глазах ужас. Мы выскакиваем на улицу, уже понимая, что все пропало. Запах становится все более резким. Мы спешим к нашей делянке — и зловоние наполняет легкие. Те листочки, что вчера так весело зеленели, сегодня покрылись бурными пятнами. Все стебли почернели.

Я оседаю на землю и начинаю копать руками. Очень скоро мой большой палец упирается в бок картофельного клубня и легко протыкает его, погружаясь в отвратительную гнилую жижу. От вони меня начинает тошнить. Я вытаскиваю руку из земли, вытираю палец. Лицо отца такое же серое, как туман, висящий вокруг. Живот скручивает от боли, и это не столько голод,

сколько страх перед теми днями и месяцами, которые нам предстоят. Нужно куда-то уйти с этой земли, иначе зимой мы все умрем от голода.

Сара

Почти весь день работорговец заставляет нас танцевать, играть в карты, петь во дворе. Пытается уверить белых, что мы самые жизнерадостные рабы, каких только можно найти.

Когда приходит время аукциона, мистер Мэддокс снова заковывает нас в кандалы, отправляет в комнату за отелем «Плантатор», а потом вытаскивает оттуда каждого по очереди. Цепь натерла до крови мои лодыжки, но эта боль — ничто по сравнению со страхом, от которого у меня сосет под ложечкой. Когда работорговец приказывает встать, мне не хочется двигаться, но я прекрасно помню, что он сделал на пути из Шарлоттсвилля во Фредериксберг с тем мужчиной, что шел передо мной, и с женщиной позади меня, поэтому, услышав свое имя, я сразу вскакиваю на ноги.

Чернокожий мальчик, не глядя мне в глаза, открывает замок на цепи, пристегнутой к вбитому в пол железному кольцу. Я делаю пару неуверенных шажков, потому что кандалы мне мешают, но, поймав взгляд работорговца, начинаю двигаться быстрее.

Мистер Мэддокс похож на ящерицу: у него восковая кожа и глазки-бусинки, а те редкие волосенки, которые еще остались, торчат на макушке, как свиная щетина. Я вздрагиваю, когда он подходит ко мне и снимает кандалы с моих запястий и кровотокающих лодыжек.

Он велит стоять у стены, и я вцепляюсь в деревянную обшивку, с которой тут же начинается осыпаться белая краска. Сейчас подойдет моя очередь. Летняя жара уже миновала, но до зимних холодов еще далеко. В небе ни единого облачка. Где-то в желто-зеленой кроне воркует голубь.

Я закрываю глаза и делаю несколько глубоких вдохов. Выкрики аукциониста перекрывают гул толпы:

— Семьсот! Кто даст семьсот пятьдесят за этот прекрасный экземпляр? Сильный, как бык, и покорный, как ягненок!

Это про моего брата Исаака. Ему приказывают снять рубашку и показать мускулы. Я ненавижу аукциониста! Ненавижу мистера Мэддокса! Ненавижу их всех!

Ставки вырастают до девятисот долларов.

Я и не заметила, что мычу себе под нос мелодию, пока мистер Мэддокс не говорит:

— Пой что-нибудь радостное или заткнись.

Я напевала «Помоги мне, Иисус» — песню, которую иногда слышала от мамочки. Вспомнив о ней, я оседаю на землю, подтягиваю колени к груди и опускаю голову. Наверное, она сейчас не находит себе места от тревоги за нас. Она клялась, что хозяин ни за что нас не продаст. Но этого никогда нельзя знать наверняка.

Торговец кричит: «Продано!», и я поднимаю голову.

Мистер Мэддокс стаскивает Исаака за руку с возвышения, на котором показывают рабов. Он подталкивает его к человеку с красным лицом и тройным подбородком. Исаак опускает голову, когда новый хозяин набрасывает веревку ему на шею.

— Исаак! — зову я.

Я дотрагиваюсь до деревянного кулона, которые висят у меня на шее, и брат кивает мне. Он произносит мое имя, говорит что-то еще, но мне не слышно.

— Пошли-ка, парень. Не трать время зря. Не для того я тебя купил, чтобы ты прохлаждался. — Толстяк дергает веревку, и Исаак покорно, будто старая корова, плетется за ним.

Сердце сжимается, мне хочется кричать, но я знаю, что этого делать нельзя. Слезы текут по щекам, я начинаю раскачиваться вперед-назад, обхватив себя за колени.

— Утри лицо и взбодрись, девчонка. — Мистер Мэддокс подходит и рывком ставит меня на ноги. — Я не хочу, чтобы из-за твоего унылого вида мне пришлось снизить цену!

Желудок сводит, руки дрожат, но слезы я остановить не в силах.

— Слушай, девчонка, — шипит он мне на ухо, — если хочешь остаться домашней рабыней, прекрати реветь. Никто не захочет слушать твое хныканье целый день.

Я киваю. Он ждет, что я перестану плакать, но у меня никак не получается.

У него раздуваются ноздри:

— Ты меня вгонишь в убыток! Будь я проклят, если продам тебя по цене полевой рабыни!

Я съеживаюсь, но вытираю лицо и растягиваю рот в улыбке, пытаюсь показать, что от меня не будет никаких неприятностей. Не знаю, сколько мистер Мэддокс заплатил за меня, но уверена, что господин Джордж никогда бы не отдал меня по цене полевой рабыни. И еще я знаю, что работа в поле ломает меня.

Видимо, моя улыбка не слишком устраивает мистера Мэддокса, потому что он оглядывает меня с головы до ног, хмурясь и теребя щетину на подбородке. Затем тянет за мою одежду и одергивает ее так, что грудь, кажется, вот-вот выскочит из выреза. Мне хочется

оттолкнуть его руки. Но вместо этого я моргаю, чтобы слезы снова не полились из глаз. В очередной раз окинув взглядом мою фигуру, мистер Мэддокс кивает и подталкивает меня к помосту. Тот довольно высокий, а ступенька всего одна. Мне приходится помочь себе руками, чтобы вскарабкаться на него.

Аукционист указывает на меня тростью и говорит, что я отличная служанка. Он требует, чтобы я покрутилась перед покупателями, а сам продолжает расхваливать меня, рассказывая, как быстро я делаю уборку, какая я здоровая — за всю жизнь ни дня не болела. И это, конечно, наглая ложь. Он не говорит ни слова о том, что я разбираюсь в целебных травах. Думаю, что большим на это наплевать. «Быстро-убирает-никогда-не-болеет» — вот и все, что они хотят слышать.

Потом начинается торг.

Вокруг толпится около двадцати мужчин, но торгуются только четверо. Прямо передо мной — потрепанный жизнью человек, чьи брови напоминают гусениц. Судя по лицу, он любит выпить. Этот мужчина не отрывая глаз тарачится на мою грудь, и я испытываю облегчение оттого, что он молчит.

Цена доходит до семисот. Тут потрепанный говорит: «Семьсот десять», и мое горло сжимает страх. Я начинаю молиться про себя: «Нет, Боже, только не к нему!» Но вот кто-то называет цену выше, и все начинается сначала. Однако теперь тот мужчина тоже поднимает цену. Мне абсолютно ясно, зачем я ему понадобилась.

Тут из галантерейной лавки, что на другой стороне улицы, выходит темноволосая женщина в модном синем платье и направляется прямо к толпе. Она берет за руку мужчину в коричневом костюме, который стоит справа от возвышения.

— Такие люди, как он, не должны иметь возможность покупать рабов, — говорит леди, услышав, что потрепанный снова поднимает цену. — Это просто стыд! — Нахмурившись, она смотрит на меня маленькими, близко посаженными глазками.

— Семьсот девяносто. Кто даст восемьсот? — кричит аукционист. — Продано мужчине в красном жилете — раз!

Я поднимаю глаза и понимаю, что речь идет о потрепанном. Все тело холодеет. Я знаю таких, как он. У них недостаточно денег, чтобы кормить рабов, и они заставляют работать до смерти днем и не оставляют в покое ночью.

— Продано — два! Последний шанс, джентльмены! Некоторые качают головами. Аукционист стаскивает с головы шляпу и обмахивается ею как веером.

Я складываю руки и молю Бога, чтобы Он не позволил этому человеку забрать меня.

— Продано!

Я еле дышу. Мистер Мэддокс стаскивает меня на землю, я путаюсь в подоле и падаю, ударяясь о камни коленями и локтями. Кто-то смеется, увидев это. Прикусив губу, чтобы не разрыдаться, я встаю. Когда мистер Мэддокс уводит меня, я дрожу так сильно, что вынуждена вцепиться в юбку и сжать кулаки.

Потрепанный подходит к нам, но мистер Мэддокс продолжает держать мою руку.

— Она ваша, как только вы за нее рассчитаетесь, — заявляет он.

Мой новый хозяин смотрит на меня и облизывается. Ему будут принадлежать все мои дни и ночи, каждая капля крови и каждая капля пота. Я вижу, как ему не терпится заполучить меня, и страх расплзается по моему телу.